

УДК 82

**Модель мира в рамках жанра святочного рассказа (на примере рассказа
Леонида Андреева «Ангелочек» и Валерия Брюсова «Дитя и безумец»)****Кихней Любовь Геннадьевна**

Завкафедрой истории журналистики и литературы,
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
111024, Российская Федерация, Москва, шоссе Энтузиастов, 21;
e-mail: o.kainova@mail.ru

Ларина Надежда Альбертовна

Кандидат культурологии, доцент,
Государственный социально-гуманитарный университет,
140411, Российская Федерация, Коломна, ул. Зеленая, 30;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется святочный рассказ начала XX века сквозь призму миромоделирующих категорий – рассматриваются миры, сконструированные Леонидом Андреевым в рассказе «Ангелочек», и Валерием Брюсовым в рассказе «Дитя и безумец». Рассмотрены категории пространства, включающие оппозицию «дома – не дома», тьмы и света, холода и тепла, одиночества и многолюдности. При сходных начальных координатах построения модели мира – канун Рождества, главный герой – ребенок, жанр святочного рассказа предполагает некое «чудо»; оба рассказа принципиально по-разному выстраивают взаимодействие с миром и человеком. Работая в рамках жанра «святочного рассказа», два писателя создают два микромира, исходные координаты которых одинаковы – Россия, зима, канун Рождества, ночь, в центре – ребенок. Присутствуют сходные организующие пространство рассказа антитезы: тьма и свет, холод и (гипотетическое) тепло, дом и улица. В то же время в этих координатах у Брюсова получается вневременная притча о соприкосновении событий повседневной жизни и священной истории, наделенная моралью, а у Андреева – трагический рассказ об опустившейся семье и попытке вырваться из охватившего их состояния.

Для цитирования в научных исследованиях

Кихней Л.Г., Ларина Н.А. Модель мира в рамках жанра святочного рассказа (на примере рассказа Леонида Андреева «Ангелочек» и Валерия Брюсова «Дитя и безумец») // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 282-291.

Ключевые слова

Леонид Андреев, Валерий Брюсов, миромоделирование, координаты, рассказ, святочный рассказ, пространство.

Введение. Контекст «святочного рассказа»

Существует тип «святочного» («рождественского») рассказа, имеющий обширную историю в русской и зарубежной литературе. Помимо «Рождественской песни» Чарльза Диккенса и «Девочки со спичками» Ганса Христиана Андерсена, в этом жанре работали многие русские писатели – от Достоевского, написавшего рассказ «Мальчик у Христа на елке» до пародийного восприятия жанра у Тэффи в ее «Когда рак свистнул. Рождественский ужас» и «Страшный ужас. Рождественский рассказ». Литературные предшественники Андреева и Брюсова сформировали канву жанра, которой в целом следуют и два анализируемых писателя: главным героем рассказа является ребенок, в канун Рождества или в канун Нового года происходит чудо, дарящее ему счастье. У Достоевского и Андерсена главные герои погибают, хотя перед смертью чувствуют себя счастливыми, увидев своих недавно умерших родственников и присоединившись к общему празднику. Леонид Андреев и Валерий Брюсов не продолжают традицию трагической концовки: герои остаются живы, все заканчивается хорошо – только у андреевского мальчика Саши тает восковой ангелочек, который ему так понравился, но возможное горе обнаружившего это мальчика остается за пределами текста рассказа.

Основные оппозиции рассказов Андреева и Брюсова

Для обоих текстов – «Ангелочка» и «Дитя и безумца» – характерно противопоставление враждебного пространства дома дружелюбному пространству не-дома, в итоге также оборачивающемся враждебным. Мальчик Саша у Андреева дома чувствует себя несчастным: мать бьет его, не кормит, отец не может за него вступиться. Приглашение на елку к богачам Свечниковым – выход из пространства дома – также не приносит счастья: на елке Саша задирает богатых хозяев дома, показывает язык мужу хозяйки, обижает их маленького сына.

«Дом» – «не дом» у Андреева противопоставлены как пространство тьмы и света: в доме

A model of the world within the genre of a sacred story, based on the story...

Саши «слабый свет проникал через широкую щель вверху, где перегородка на четверть не доходила до потолка», а на балу «ярко освещенная зала», «сверкающая елка», которая «бросает сильный свет» на детей.

В рассказе Брюсова девочка Катя живет в богатой и благополучной семье – упоминается, например, что ее обычно одевает няня, но и в ее доме нет душевного тепла: «мама была строгая и не любила, когда ее долго расспрашивают, а отец и совсем не терпел, чтобы его отрывали от книг». В ее доме также царит темнота: отец считает, что ее необходимо приучать спать в одиночестве и в темноте.

Когда Катя просыпается ночью, в ее детской «темно и тихо». Далее она выходит из дома на улицу, где «было морозно, но ясно. Свет фонарей искрился на чистом, чуть-чуть заледеневшем снеге». Попадая из пространства тьмы и нелюбви в свет, она, как и герой Леонида Андреева, не чувствует счастья: встретившийся ей господин очень торопится, и она не смеет спросить его, как пройти в Вифлеем, затем ей попадается пьяный мастеровой, и только у третьего прохожего ей удастся спросить, как попасть в Вифлеем. Ее собеседник охотно соглашается провести ее к вертепу, но Кате, как и мальчику Саше у Андреева, неудобно и неприятно: старик идет слишком быстро, ей трудно поспевать за ним, затем она почти засыпает – и в конце рассказа проваливается в сон. Оба рассказа завершаются мгновенным погружением героев в сон: «Катя еще говорила, что ей надо идти, но она так устала и измучена, что не очень сопротивлялась, когда ее раздели, натерли вином и уложили в теплую постель. Она уснула тотчас». У Андреева рассказ также завершается сном мальчика: «Сашка хотел добавить, что ему совсем не хочется спать, но не успел, так как заснул с такой быстротой, что точно шел ко дну глубокой и быстрой реки».

Путь по маршруту «дом – не дом – сон» в обоих случаях оказывается движением из тьмы к свету и затем ко сну, после которого в нескольких строках эпилога разрушается рождественское чудо. У Андреева восковой ангелочек, на миг смягчивший сердце дерзкого гимназиста, примиривший его с окружающим миром, тает, не выдержав жара печки. Брюсов в нескольких словах поясняет, что представившийся Симеоном Богоприимцем старик оказывается пациентом сумасшедшего дома, которому удалось бежать.

Также к общей смысловой части обоих рассказов следует отнести упоминание холода. Холод убивает героев святочных рассказов Андерсена и Достоевского, холод царит на улице, где дотемна гуляет мальчик Саша, постоянно мерзнет отец Саши, мерзнет на улице и за пазухой у безумного старика девочка Катя... При этом холод в доме Саши в «Ангелочке» скорее душевный, нежели настоящий: на самом деле в доме топится печка, которая и губит воскового ангела, а отцу холодно и от болезни (в начале рассказа упоминается, что он

«кашляет кровью»), и от нелюбви жены. Ангелочек становится для Сашиного отца вестником из прошлого, напоминанием о любви к хозяйке дома, где он некогда служил учителем: «И чудилось погибшему человеку, что он услышал жалеющий голос из того чудного мира, где он жил когда-то и откуда был навеки изгнан. Там не знают о грязи и унылой брани, о тоскливой, слепо-жесточкой борьбе эгоизмов; там не знают о муках человека, поднимаемого со смехом на улице, избиваемого грубыми руками сторожей. Там чисто, радостно и светло, и все это чистое нашло приют в душе ее, той, которую он любил больше жизни и потерял, сохранив ненужную жизнь. К запаху воска, шедшему от игрушки, примешивался неуловимый аромат, и чудилось погибшему человеку, как прикасались к ангелочку ее дорогие пальцы, которые он хотел бы целовать по одному и так долго, пока смерть не сомкнет его уста навсегда. Оттого и была так красива эта игрушечка, оттого и было в ней что-то особенное, влекущее к себе, не передаваемое словами. Ангелочек спустился с неба, на котором была ее душа, и внес луч света в сырую, пропитанную чадом комнату и в черную душу человека, у которого было отнято все: и любовь, и счастье, и жизнь».

Таким образом, в рассказе Андреева тьма и свет соприкасаются с противопоставлением холода и тепла, уродства и красоты, настоящего и прошлого. В доме Саши – темнота, холод, грязь, нелюбовь, уродство, в доме Свечниковых – свет, чистота, красота, однако для побывавшего там Саши нет ощущения ни тепла, ни любви: он оказывается изгоем среди восхищенных елкой малышей, с большим трудом выпрашивает ангелочка и во всем ощущает неприятное и настороженное отношение к себе.

В мире девочки Кати противопоставление тьмы и света, дома и улицы также не выражается в противопоставлении тепла и холода: в рассказе описан только холод, который она ощущает, идя по улице вместе с безумным стариком. Символика холода в стихотворениях Брюсова описана в [Ермилова 1989], [Лавров 2004], в прозе же значимая оппозиция тепла и холода не анализировалась.

В то же время по целому ряду координат «рождество Кати» и «рождество Саши» не совпадают. Прежде всего, рассказ Андреева «многолюден»: помимо подробно описанных матери и отца Саши, в нем присутствуют и Свечниковы, и дети на елке, упоминаются Сашины одноклассники и учителя гимназии – мир рассказа устроен таким образом, что главный герой в нем практически не остается один. На улице он играет с товарищами, дома рядом с ним мать и отец, на елке – дети и взрослые. Девочка Катя, напротив, почти все время одна: в начале и в конце фрагментарно фигурируют ее отец и мать, ночью в детской слышится «сонное дыхание няни», но одевается, выходит и идет по улице она в одиночестве. При этом героям Андреева все время «есть дело» до Саши: мать угрожает его избить, отец уговаривает пойти на елку,

устроители елки пытаются его «образумить» и направить в ремесленное училище, и даже малыш Коля Свечников от своей «мисс» знает, что Саша «неблагодарный». Катя у Валерия Брюсова как будто бы невидима: никто не замечает, как ей удалось покинуть дом, проходим нет до нее никакого дела, и только безумный старик и его безымянный знакомый – «слуга Ирода».

Интересно также отношение двух писателей к расстоянию. У Андреева нет никакой информации о том, какой путь проделал Саша из дома к Свечниковым и обратно: рассказ разделен на три части «дом – елка – дом», и переход между ними никак не обозначен. Первая и вторая часть обрывается словами Саши: первая - «Давай, что ли, куртку. Пуговицы пришила? А то ведь я тебя знаю!» - и сразу же он оказывается на елке у Свечниковых – в конце второй части: «Я домой пойду, - глухо сказал Сашка, намечая путь в толпе. – К отцу».

В мире девочки Кати, наоборот, передвижение описывается крайне скрупулезно и подробно, оно и составляет основную суть ее приключений. Сначала она преодолевает путь от детской до выхода из дома – достаточно трудный для ее детского возраста – потом долгая дорога со стариком. В конце рассказа Катя оказывается где-то в предместье – видимо, безумец прошел с ней немалый путь.

У Брюсова текст начинается с диалога матери и дочери:

Маленькая Катя спросила:

- Мама, что сегодня за праздник?

Мать отвечала:

- Сегодня родится Младенец Христос.

- Тот, Который за всех людей пролил кровь?

- Да, девочка.

- Где же Он родится?

- В Вифлееме. Евреи воображали, что Он придет как царь, а Он родился в смиренной доле. Ты помнишь картинку: Младенец Христос лежит в яслях в вертепе, так как Святому Семейству не нашлось приюта в гостинице? И туда приходили поклоняться Младенцу волхвы и пастухи».

Младенец еще только «родится» (в будущем времени), но он уже «пролил кровь» и «родился в смиренной доле» (в прошедшем времени). В рассказе существует наложение плана настоящего – намерений девочки Кати и ее выхода из дома – на план прошедшего: встреченный ею старик как бы из прошлого, он называет себя Симеоном Богоприимцем. Такая

же метаморфоза происходит и с пространством: хотя у Брюсова и нет четкого указания, в каком городе происходит действие рассказа, это явно российский город, о чем свидетельствует и холодная зима, и упоминание типичной зимней одежды – шубы девочки, дохи старика. Когда же девочка спрашивает у старика, как пройти в Вифлеем, он отвечает, что они и так находятся в Вифлееме.

Метаморфозы времени и пространства отражают суть любого церковного праздника: события священной истории переживаются как бы заново, но в то же время они постоянно повторяются, и все радуются рождению Христа, в то же время зная, какие события последуют за ней.

У Андреева религиозная составляющая практически отсутствует: о рождестве (с маленькой буквы) упоминается только при установке временных координат: действие рассказа происходит в пятницу накануне Рождества. Елка «светская», дети забавляются стрельбой из игрушечного ружья, о празднике, являющемся поводом для сбора, практически никто и не вспоминает. Однако фигуркой, привлечшей внимание Саши, оказался именно ангелочек (а не куколка, к примеру), и его одухотворенный вид вдохновляет не только «испорченного мальчика» Сашу, но и его спившегося отца.

В целом, рассказ Брюсова подразумевает именно обращение к религиозным чувствам, в конце его даже присутствует своеобразная «мораль»: Дитя и безумец – оба шли поклониться Христу. Благо тому, кто и сознательно жаждет того же». У Андреева мораль отсутствует, в конце рассказа по останкам ангелочка ползает таракан, а «В завешенное окно пробивался синеватый свет начинающегося дня, и на дворе уже застучал железным черпаком зазябший водовоз», то есть наступило утро, герои скоро проснутся, очарование ангелочка, так поразившего их ночью, будет разрушено – читатель может сам домыслить финал. Вполне возможно, что после этой встречи с ангелочком мальчик Саша одумается, пойдет в ремесленное училище, станет добропорядочным гражданином и вытащит мать и отца из нищеты. Не менее вероятно, что он озлобится еще больше, опустится и ему будет «не сносить головы», как и предсказывал в начале текста его отец.

Как сложится судьба маленькой Кати, и вовсе неизвестно: ее характер в рассказе не прописан, герои не имеют предыстории. Если про героев Андреева читатель знает, что у них было в прошлом (несчастливая любовь отца, пьянство, уход Саши из гимназии и пр.), то герои Брюсова «пойманы» в одной точечной ситуации – так и остается неизвестным, кто такой на самом деле безумец, почему он называет себя Симеоном Богоприимцем, почему родители девочки Кати не идут поклониться Христу и пр.

Заклучение. Два мира у Андреева и Брюсова

Рассказ Брюсова гораздо ближе к притче – не случайно только у двух его героев есть имена. Рассказ Андреева погружен в стихию реализма, с тщательным обозначением подробностей и деталей – поэтому важны и крики пьяной матери во сне, и таракан, ползущий по печке, и прочие детали.

В то же время и рассказ Андреева имеет символический смысл. Реализм и символизм в начале XX века не были отделены друг от друга непреодолимой стеной, реальность и символ – две стороны одной эпохи, они современники; находки одного направления становились достижениями другого [Мочульский 1997, 76]. Взаимоисключающие на первый взгляд тенденции неоклассицизма и авангардизма, одновременно звучащие мотивы «стареющей» культуры и «страстного переживания новых форм», «завершения» и «начала», «собирания и разбрасывания камней» обусловлены не только хронологически (конец XIX – начало XX столетий), но и самим менталитетом русской культуры, ее самосознанием, титаническим духовным порывом к преодолению веками накапливающихся противоречий национального бытия [Эллис, 1998, 55].

Работая в рамках жанра «святочного рассказа», два писателя создают два микромира, исходные координаты которых одинаковы – Россия, зима, канун Рождества, ночь, в центре – ребенок. Присутствуют сходные организующие пространство рассказа антитезы: тьма и свет, холод и (гипотетическое) тепло, дом и улица. В то же время в этих координатах у Брюсова получается вневременная притча о соприкосновении событий повседневной жизни и священной истории, наделенная моралью, а у Андреева – трагический рассказ об опустившейся семье и попытке вырваться из охватившего их состояния.

Библиография

1. Горошкова Р.Р. Память и чувства в рождественских повестях Ч. Диккенса 1840-х годов // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. №2. С.11-17.
2. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М.: Наука, 1989. 176 с.
3. Клюха И.К. Образ вещи как маркер святочного хронотопа в рассказе Н.С. Лескова «Белый орел» // ОНВ. 2015. №3 (139). С.49-51.
4. Кретова А.А. Христианские заповеди в святочных рассказах Н.С. Лескова «Христос в гостях у мужика», «Под Рождество обидели» // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С.471-478.
5. Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб: ТАЛАС,

---

2004. 400 с.

6. Медведева С.А. Рождественский рассказ в пятом классе // Вестник ЧелГУ. 2000. №1. С.235-240.
7. Меретукова М.М. К вопросу о возникновении жанра рождественского рассказа в русской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. №3 (145). С.112-115.
8. Мочульский К.В. Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. 478 с.
9. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. №2. С.113-127.
10. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты. Томск: Водолей, 1998. 288 с.

A model of the world within the genre of a sacred story, based on the story of L.Andreev's "Angel" and V. Bryusov's "Child and the Madman"

Lyubov' G. Kikhney

Head the of the Department of History of literature and journalism,
Institute of International Law and Economy,
111024, 21, Entuziastov ave, Moscow, Russian Federation;
e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Nadezhda A. Larina

PhD in Cultural Science, Associate Professor,
State University of Humanities and Social Studies,
140411, 30 Zelenaya st., Kolomna, Russian Federation;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Abstract

The article analyzes the sacred story of the early twentieth century through the prism of the world-modeling categories, the worlds designed by Leonid Andreev in the story "Angel" are examined, and Valery Bryusov in the story "Child and the Madman". The categories of space are considered, including the opposition "at home – not at home", darkness and light, cold and heat, loneliness and crowdedness. With similar initial coordinates for building a model of the world in Christmas Eve, the main character is a child, the genre of a sacred story suggests a kind of

---

A model of the world within the genre of a sacred story, based on the story...

“miracle”; both stories fundamentally differently build interaction with the world and man. Working within the genre of the “holy story”, two writers create two micro-worlds whose initial coordinates are the same: Russia, winter, Christmas Eve, night, in the center of a story is a child. There are similar antitheses organizing the narrative space: darkness and light, cold and (hypothetical) heat, house and street. At the same time, in these coordinates, Bryusov has a timeless parable about the contact of everyday life and sacred history, endowed with morality, and Andreev has a tragic tale of a descended family and an attempt to escape from the state that embraced them.

For citation

Kikhney L.G., Larina N.A. (2017) Model' mira v ramkakh zhanra svyatochnogo rasskaza (na primere rasskaza Leonida Andreeva «Angelochek» i Valeriya Bryusova «Ditya i bezumets») [A model of the world within the genre of a sacred story, based on the story of L.Andreev's “Angel” and V. Bryusov's “Child and the Madman”]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 282-291.

Keywords

Leonid Andreev, Valery Bryusov, world-modeling, coordinates, story, sacred story, space.

References

1. Ellis (Kobylinskiy L.L.) (1998) *Russkie simvolisty* [The Russian symbolists]. Tomsk: Vodoley.
2. Ermilova E.V. (1989) *Teoriya i obraznyi mir russkogo simvolizma* [The theory and image world of Russian symbolism]. M.: Nauka Publ.
3. Goroshkova R.R. (2015) Pamyat' i chuvstva v rozhdestvenskikh povestyakh Ch. Dikkensa 1840-kh godov [Memory and feelings in the Christmas stories of Charles Dickens in the 1840s]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Herald of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism], 2, pp. 11-17.
4. Klyukha I.K. (2015) Obraz veshchi kak marker svyatochnogo khronotopa v rasskaze N.S. Leskova «Belyi orel» [The image of things as a marker of the holy chronotope in the story of NS. Leskov "The White Eagle"]. *ONV*, 3 (139), pp. 49-51.
5. Kretova A.A. (1998) Khristianskie zapovedi v svyatochnykh rasskazakh N.S. Leskova «Khristos v gostyakh u muzhika», «Pod Rozhdestvo obideli» [Christian commandments in the holy stories of N.S. Leskov "Christ is visiting a peasant," "Under Christmas offended"]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 5, pp. 471-478.
6. Lavrov A.V., Grechishkin S.S. (2004) *Simvolisty vblizi. Ocherki i publikatsii* [The symbolists at close. The essays and publications]. St. Petersburg.

-
7. Medvedeva S.A. (2000) Rozhdestvenskii rasskaz v pyatom klasse [Christmas story in the fifth grade]. *Vestnik ChelGU* [Herald of ChelSU], 1, pp. 235-240.
  8. Meretukova M.M. (2014) K voprosu o vzniknovenii zhanra rozhdestvenskogo rasskaza v russkoi literature [On the origin of the genre of a Christmas story in Russian literature]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], 3 (145), pp. 112-115.
  9. Mochulskiy K.V. (1997) *Aleksandr Blok, Andrey Belyi, Valeriy Bryusov*. Moscow: Respublica Publ.
  10. Starygina N.N. (1992) Svyatochnyi rasskaz kak zhanr [Svyatok story as a genre]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2, pp. 113-127.